чивый Иов, по-видимому, решил не упускать случая внести свою лепту в укрепление прочных связей между русской православной церковью и константинопольским патриархатом и принялся действовать. Так появились «чудеса» на могильной плите Максима Грека, отсюда же возникло и почитание и изображение его как святого. Если бы это почитание исходило не из официальных кругов, изображению Максима Грека не отвели бы места в Успенском соборе московского Кремля; его сочинения и изображения не находились бы в Троице-Сергиевом монастыре — крупнейшем центре русской православной церкви, посещавшемся представителями высшего восточного духовенства наравне с соборами московского Кремля. Судя по изображениям Максима Грека в фресковых росписях двух церковных зданий Троицкого монастыря: в 1655 г. в Духовской церкви и в 1684 г. в Успенском соборе,[35] отношение к Максиму Греку и в XVII в. носило все тот же характер. Уважение к Максиму Греку и его памяти отвечало отчасти и стремлениям превратить русскую православную церковь в оплот всего православного мира в том числе для древнейших восточных церквей.

Таким образом, почитание Максима Грека в среде раскольников, старообрядцев в XVII и XVIII вв. возникло уже после полуофициального признания его памяти московской патриархией.[36]

О почитании же Максима Грека в Троице-Сергиевом монастыре позволяют судить многочисленные записи в монастырских документах. Так, под 1737 г. сообщается, что «подле церкви Сошествия святаго Духа полатка каменная, а в ней деисус писан на трех цках в киоте, деревянной, писан на празелени. Перед деисусом образ преподобного Максима Грека писан на празелени... таблица в рамах столярных на белом железе, писанъ летописец Максиму Греку...»[37] Весьма возможно, что к 1759 г. был специально написан новый «образ преподобного Максима Грека во облаце... венец сребреный резной», так как далее указывается: «гробница преподобного Максима Грека каменная, с одной стороны решетка железная, на гробнице образ оного преподобного, писан на красках».[38] Под

в наказе Григорию Нащокину предписывалось возвратиться в Москву 7-го или, по воле патриарха, 8 февраля, но Иеремия уехал из монастыря только 11 февраля. Нащокин особо «сказывал» Федору Иоанновичу об этом посещении о чем глухо упоминается на л. 46 об. указанного дела. В том же деле, на л. 26 об., представляет интерес указание, что 21 июля 1588 г. константинопольский патриарх Иеремия, митрополит монемвасийский Иерофей и эласонский архиепископ Арсений «шли ко государю мимо Благовещенья папертью», в фресках которой уже имелось упоминавшееся изображение Максима Грека 1564 г.

[35] Изображение Максима Грека сначала в вологодском Софийском соборе (1686—1688 гг.), а затем и в церкви Иоанна Предтечи в Ярославле (1694—1695 гг.) может быть объяснено тем, что во главе артели иконописцев стоял тот же Дмитрий Григорьев, который работал над росписью Успенского собора Троицкого монастыря в 1684 г. Видимо, у него сохранилась прорись от Успенского собора, которую он использовал в Вологде и Ярославле, однако со значительными отклонениями в колорите и в отдельных деталях.

[36] Вопросу об отношении раскольников и старообрядцев к Максиму Греку уделено несколько страниц в указанной статье И. Денисова 1954 г. (стр. 16—18). Однако и здесь в сферу внимания автора попали только два литературных памятника и даже не упоминаются многочисленные иконописные изображения Максима, дополняющие свидетельства о его почитании в этой своеобразной среде. Хранящаяся в Гос. Третьяковской галерее прекрасная икона XVI в. Богоматерь Тихвинская (14410) с надписью XVIII в. на обороте доски: «Сему образ М. А. Н. О М А Максим Грека», по любезно сообщенному нам мнению В. И. Антоновой, дает представление еще об одной стороне в старообрядческом почитании Максима Грека в XVIII в.

[37] «Книги описные ризной казне... 737 году». Рукописная книга в собрании Загорского музея, л. 137—137 об.

[38] «Копия с описи, какова учинена присланным лейбгвардии Преображенского полку капитаном порутчиком Андрианом Лопухиным» (1759 г.). Рукописная книга в собрании Загорского музея, л. 45 об.